Проект
«Тайная фантастика»
и писатель Артем Бук
представляют

Сборник
научно-фантастических
рассказов лауреатов
литературных конкурсов

Будущее человечества

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Мой собственный труп лежит посреди комнаты. Лицом вверх, с широко раскрытыми глазами. Не возникает ни тени сомнения в том, что жизнь окончательно покинула тело. Как это произошло — не представляю. Не несчастный случай, не болезнь и уж точно не самоубийство».

- Мишель Подымски
  - ○

Мишель Подымски
Инфохаос

Мой собственный труп лежит посреди комнаты. Лицом вверх, с широко раскрытыми глазами. Не возникает ни тени сомнения в том, что жизнь окончательно покинула тело. Как это произошло — не представляю. Не несчастный случай, не болезнь и уж точно не самоубийство.

«Меня убили», — внезапная мысль раздается в голове подобно колоколу. А за ней отзвуками следуют другие.

«Кто?»

«Зачем?»

«Как?»

И самая главная:

«Почему я все это вижу?»

Слышу чьи-то шаги и голоса. Визитеров двое, может, трое. Не представляю, кто они. Полиция? Кто-то из знакомых? Точно не убийца. На теле повреждений нет, убийцы никогда здесь и не было. Кому в наше время нужен физический контакт, чтобы кого-либо прикончить?

Понимаю, что, кто бы это ни был, лучше здесь не задерживаться. На всякий случай проверяю собственную базу данных. Больше она не стала. Потерять что-то не страшно, а вот что-то лишнее может направить мысли не туда. Особенно если это эмоциональный вирус.

Удостоверившись в том, что база данных в порядке, выхожу через стену. Я призрак? Нет, никаких призраков не существует, конечно же. Все проще. Недавно мне установили проходную систему. Как она работает — ума не приложу, но хождение сквозь стены стало обыденностью.

Вижу ставший привычным вид на монастырь и толпу рядом с ним. Форма здания напоминает хрустальный стометровый цветок. Ни одного угла, ни одной прямой линии. Как в природе. Над входом красуется надпись «Verum». На каком-то языке это значит «Истина». Собравшаяся здесь толпа людей хочет её узнать. На самом деле, конечно же, монахи никакой истины не несут, да и сами её не знают. Помню я «проповедника истины», который верил, что Гарри Поттер скоро воскреснет и победит информационную сингулярность с помощью волшебной палочки и книги заклинаний.

Не победит. Это моя задача.

Найти формулу, которая не просто ищет информацию, а

определяет её достоверность. Или способ мышления, отличающий правду от вымысла. Не представляю, что это, но у меня получалось! Черт его дери, получалось! И именно из-за этого меня убили! Чтоб его все! Зараза!

От злости пинаю лежащий на дороге булыжник и понимаю, что нахожусь во власти эмоций. Одновременно вижу расширение базы и пытаюсь подавить возбуждение. Чувства — та еще дрянь. Кто его знает, наступил бы инфохаос, если бы не они?

На первых порах информация обычно касалась эмоций, а тогдашний интернет каждую секунду пополнялся всяческой бессмыслицей. В итоге отличить вымысел от правды становилось все труднее, пока не стало совсем невозможной задачей.

Проталкиваюсь через разношерстную толпу, оккупировавшую площадь перед монастырем. Кого здесь только нет — начиная с верящих во всемогущую любовь и заканчивая считающими, что нас давно поработили инопланетяне. Перед глазами мелькают пестрые и строгие наряды, а некоторые пришедшие сюда и вовсе без них. Одежда для них — лишняя информация, расширяющая базу данных.

Почему я все еще хожу по миру, если мой труп лежит в квартире?

Точно не клонирование и не проекция. Не переписывание разума, не внедрение личности. Я — это я. Если физическую копию человека воспроизвести можно, то база данных пусть на пару байт, но будет отличаться.

Возможно, какая-то симуляция суперпозиции в макромире, позволяющая пребывать в двух состояниях одновременно.

Прохожу сквозь толпу и выхожу на лужайку, распростершуюся меж двух исполинских статуй. Одна из них изображает поднявшего руку человека, а вторая — башню с разветвленной вершиной, похожей на перевернутую вверх дном ракету.

Эти статуи тоже строились ради сбережения какой-то информации. Кто-то когда-то придумал, как зашифровать данные в подобной форме и сделать так, чтобы человеческое подсознание их автоматически расшифровывало. Что это были за данные, вряд ли кто знает — у создателя статуй ничего не вышло.

Зато вышло у меня.

Не представляю как, но вышло. Моя система работает. Чтоб её создать, мне пришлось раз за разом чистить собственную память. Не потому, что все нужно было хранить в секрете, а из-за того, что мозг не мог одновременно содержать необходимое количество информации, потому приходилось обрабатывать её блоками. Получать результат с одного блока, сохранять его,

остальное удалять, переходить ко второму и так далее.

Оглядываюсь в попытке понять, не следят ли за мной.

Возле статуи на траве сидят трое человек. Один из них обтыкан древними имплантами настолько, что больше походит на ежа-переростка, чем на хомо сапиенс. Второй или вторая, а может, и второе, сразу не определишь, к кому это себя относит и знает ли про пол вообще, лежит без движения и смотрит в ясное небо, по которому проплывают редкие белые тучки. Третий, отвернувшись в сторону, о чем-то говорит с невидимым собеседником-тульпой.

Неподалеку еще двое. Монах — это видно по его глазным протезам, заточенным под восприятие информации только определенного типа, рассказывает о чем-то невысокому человечку, одетому только в трусы. Чуть дальше сидит группа беззнанников. Эти вообще отвергли какую-либо правду и считают, что каждый сам себе вселенная.

Надо подумать.

Опираюсь о шершавый ствол стоящего рядом дерева, закрываю глаза, перебираю базу данных. Может, если бы не было системы оптимизации знаний в голове, мы не могли бы свободно дополнять и убирать информацию в мозге, то и не было бы никакой сингулярности?

Впрочем, кто-то говорил, что эта система и была создана в попытке противостоять бесконечно множащемуся потоку данных. Мне это неизвестно. Такие знания не несут пользы, а значит, удаляются.

Нахожу в памяти диалог. Он присутствует здесь в полном виде, что странно. Обычно я храню только конечный итог.

— Ты уверен, что это сработает? — говорит человек, значившийся как Н. Имена всегда влекли за собой лишний процесс и вели к созданию лишнего пласта информации вместо поиска истины.

— Не уверен, но надеюсь, — отвечаю я, широко разводя руками.

— Ты хочешь проделать это со всем человечеством! Чтоб тебя! А если результата не будет? Если станет еще хуже? — Н начинает гневаться. В его глазах пылают искры, будто он готов броситься на меня, как хищник на жертву.

— Что нам терять? — спрашиваю я, ни капли не нервничая.

— Что? Человека как вид! И другие виды тоже!

— Мы уже потерялись. Ты недавно верил в то, что земля квадратная! Проснись.

Н опирается на стоящий между нами стол. Воображение рисует его внешность — крупный, полностью лысый мужчина,

похожий на вышибалу. Не знаю, так он выглядит или иначе, но фантазия дорисовала именно такую картинку.

— Наоборот, мы обрели когнитивную свободу. Каждый сам решает, во что ему верить, — сердито говорит он.

— А как же наука? Как же достижения? — я тоже начинаю сердиться. — Как мы можем создавать что-то, если есть миллион разнообразных версий строения человека, все они равноценны, а способ проверить их есть далеко не у каждого? Как возможно сотрудничество между двумя людьми, если оба верят и знают совершенно разные вещи? А между десятью? Увеличим до тысячи. Ты можешь найти в нынешнем мире тысячу человек, живущих в едином инфопотоке? После того, как были созданы автоматические станции обеспечения, люди только и делали, что разделялись по информационному признаку. Многие сейчас и людьми себя не считают. Другие вооружились имплантами, благодаря которым не воспринимают неприемлемые для их идеологии детали мира. А если с ними выйдут на связь пришельцы? Мы сможем сформировать группу контакта?

— Потому ты считаешь, что можно позволить дискриминацию? Сделать новые виды рабами? — нахмурился Н.

— Они не люди! Это не дискриминация! — возражаю я.

— Они — такие же, как мы! Я слышу речь диктатора! — сопротивляется Н.

— Ты видел храмы? Сколько там людей, желающих узнать истину? Свое прошлое, настоящее, будущее как вида. Я могу дать им это!

— А остальные, которым не нужна никакая истина, потому что у них есть собственная? — спрашивает Н. — Делай что хочешь. Надеюсь, что у тебя не выйдет.

На этом воспоминание обрывается. Значит, мое изобретение способно вытащить человечество из бездны информационной сингулярности, определить достоверность той или иной информации, но при этом понесет за собой дискриминацию.

Возможно, именно поэтому меня и убили. Кто-то не хочет, чтобы моя работа стала достоянием общественности.

Тем не менее, вопрос о том, что это за изобретение и где оно находится, остается открытым. Любые исследования подразумевают документацию, а та где-то должна храниться.

Продолжаю рыться в памяти.

Та на первый взгляд беспорядочна и хаотична. Кажется, что любое слово со стороны может изменить мою память и сознание. Но почему-то ни голоса рядом с монастырем, ни разговоры проходящих мимо людей, ни вещающий где-то вдали громкоговоритель этого не делают.

Может, мое изобретение — это какой-то вирус, предохраняющий от перегрузки памяти?

Такое делали и раньше. Одни вирусы просто уничтожали информацию, пытаясь остановить её размножение, вторые блокировали разум человека на восприятие, третьи должны были уметь вычленять из горы инфохлама ту самую нужную всем истину.

Все это зашло в тупик.

Вирусы стали еще одной частью инфополя, не менее вредной, чем остальные. Приходилось мне знавать одного типа, считавшего вирусом самого себя.

Краем глаза замечаю подозрительного человека, посматривающего в мою сторону. Одет он как «зеленый». В красный комбинезон. Пес разберет их цветокодировку.

Он смотрит куда-то в сторону, но периодически косится на меня.

Лучше уйти.

Обхожу дерево так, чтоб он потерял меня из виду, а потом резко начинаю бежать в сторону оживленной улицы. Если успею, пока он поймет, что потерял меня — смогу спрятаться в толпе.

Несмотря на массу людей, улица кажется безжизненной. Чувствуется, что у тех, кто ходит по ней, нет никаких общих стремлений. Каждый следует какой-то своей программе, хаотично вылепленной из инфополя.

Почему-то вспоминаю лекцию по этому поводу.

Лекцию читали дистанционно, голос лектора звучал абсолютно нейтрально. По нему нельзя было определить, какого пола, возраста или убеждений человек.

Он высказывал мысль, что люди — не что иное, как информация. Замени её — и человек перестанет считать себя таковым. Станет хоть свиньей, хоть эльфом, хоть камнем.

Говорил, что механизмы, которым мы отдали себя на обеспечение, не могут решить проблем, способных возникнуть перед человечеством.

Он был прав. Но трудно отказаться от мира, где каждый сам себе хозяин и где выше всего стоит когнитивная свобода. Хоть мы и понаделали штуковин, которые должны были думать за нас и делать за нас, но взамен перестали быть единым видом. Каждый — генератор информации, и во всеобщей мешанине теряется истина — явно не та идеология, которая нужна человечеству.

Перехожу через еще недавно кишевшую транспортом улицу. Теперь из техники тут лишь людские импланты и медленно ползающие вперед-назад роботы-чистильщики.

— Вы уверены, что искусственный интеллект сможет взять на

себя роль поводыря человечества?

В голове снова начинает проигрываться воспоминание. Визуализации нет, только голоса. Картинка занимает слишком много места.

— Я в это верю.

— А если он решит, что человечество ему не нужно?

— Нужны ли нам обезьяны? Нет. Мы собираемся уничтожить обезьян? Конечно же, нет. Наоборот, мы оберегаем дикую природу.

— А все-таки, если искусственный интеллект признает нас конкурирующим видом?

Раздается тихий смешок.

— Почему люди так привыкли проецировать искусственный интеллект на самих себя? Это не человек, никогда им не станет. У нас есть сознание и инстинкты. Он их полностью лишен.

— То есть он не осознает себя, значит, его нельзя назвать полноценным ИИ?

Снова раздается смешок.

— А зачем ему осознавать себя? Вы мыслите с позиции антропоцентризма. Но в работе над ИИ он неприемлем. Мы же говорим об интеллекте. В названии вся суть. А осознание себя интеллектом не является. Наше сознание — это инструмент обучения. К примеру, вы решили научиться водить. Вам нужно осознавать, что это именно вы, конкретная человеческая единица. Что вы сидите в водительском кресле, вы вертите руль и вы определяете, куда поедет ваша машина. Но когда вы научились водить, вы можете спокойно расслабиться за рулем и думать о чем угодно. Управлять автомобилем будет ваше подсознание и ваши рефлексы. По сути, вы составляете маршрут, а ваше тело ведет машину по нему на автомате. У искусственного интеллекта другой подход к обучению, а потому сознание ему не нужно.

Воспоминание древнее, эти люди разговаривали задолго до моего рождения, до того, как ИИ под названием «Альфа» взял на себя все человеческие функции. Он выполняет их до сих пор, хоть никто не знает, зачем нужны идеально ровные лоснящиеся вышки, расставленные «Альфой» то здесь, то там.

Может, мой план состоял в уничтожении искусственного интеллекта? Хотя вряд ли. Без него нынешнее человечество просто вымрет. Его навыков окажется недостаточно для того, чтобы самим выполнять функции.

Не то.

Моя работа состояла в создании какой-то универсальной идеологии или её подобия, которая объединит людей общими целями. Научит вычленять из инфопотока нужное. Только какую

идеологию способно принять это человечество?

Одна из блестящих на солнце вышек «Альфы» стоит прямо передо мной. Она тонкая, как стручок, и уходит в небо, куда не достает взор. Чем она заканчивается, не знает никто. Как она держится, не склоняясь перед гравитацией — тоже загадка.

Стоящий под ней человек одет в странный, похожий на перья, костюм.

Он говорит с кем-то невидимым. Может, даже спорит. Потом переходит на крик, явно пытаясь что-то доказать незримому собеседнику. Неужели начал воспринимать свою тульпу как живого человека? Когда-то это были секретари. А сейчас, возможно, тульпа — единственное «существо», разделяющее мысли своего хозяина.

Миную вышку, прохожу меж двух старенькых домов по пять этажей каждый, которыми давно уже никто не пользуется, но «Альфа» почему-то их не сносит и даже поддерживает в нормальном состоянии. Беспокоится о нашей культуре и истории, которые мы сами потеряли?

Вижу засеянную высокими желтыми колосьями поляну, где пасется похожий на слона биомеханизм. С помощью огромного хобота он втягивает в себя растения.

Не знаю, откуда мне известно, что это называется пшеница.

Не знаю, откуда в голове взялось то, что «слон» — это передвижная фабрика переработки пшеницы в еду.

Просто знаю.

А может, все это не так? Может, я тоже придерживаюсь какой-то ложной инфолинии, которая не является истиной и ведет в никуда?

Впрочем, не важно.

За полем стоит здание хранилища данных. Серверная, как её когда-то называли. Если мне нужно было где-то хранить знания — то они именно там. В нем информация тоже смешивается, да и сервер может дать сбой, но если все правильно закодировать, то хранить нужные данные там куда безопаснее, чем дома или в голове. Как мне удалось найти это место — ума не приложу. Данных об этом ведь не было. Интуиция?

Но код мне неизвестен.

В памяти его точно нет. База ничего похожего на него не находит.

Только если моя информация там, то у меня есть какой-то способ её открыть.

Еще раз оглядываюсь, удостоверяясь в том, что слежки нет. «Зеленого», который вел себя подозрительно чуть ранее, не вижу. Зато вижу двух человек, стоящих рядом с древними постройками.

Оба в синих брюках и куртках, похожих на полицейскую форму. На голове у одного из них круглый шлем, который может быть чем угодно — от модного аксессуара, подхваченного из бесконечного потока информации, и до тактического прибора с массой функций.

Правда, если они и полицейские, то каким законам служат — непонятно. У одного из них в руках что-то длинное, похожее на жезл, которыми орудовала полиция полвека назад. Тот, что с жезлом, оборачивается ко мне, и я тут же ныряю в пшеничное поле. Благо растения высокие, полностью скрывают меня из виду.

Отхожу немного в сторону, какое-то время вслушиваюсь, не слышны ли чьи-то шаги.

Шагов нет. Значит, они за мной не охотятся. Хотя следить могут. Впрочем, я не уверен, что одежда на тех двоих — униформа, а в руке у одного из них именно парализующий жезл.

Если те двое здесь ради меня, то они не рвутся меня ловить. Следят, желая получить мое изобретение. Потому петляю по полю, чтобы их запутать, и в то же время думаю, «хоть бы им не пришло в голову поджечь поле».

В какой-то момент надо мной виснет хищная огромная тень. Поднимаю взгляд и вижу хобот биомеханизма, который, не разбирая, где что, нацеливается на меня. Пытаюсь отпрыгнуть, цепляюсь за что-то, падаю, но боли не чувствую, хотя удар был не слабый.

Откатываюсь в сторону и бегу. Стать пищей для переработчика было бы верхом нелепости.

Отбежав, вспоминаю свое падение, которое ради экономии уже почти полностью ушло из памяти. Срабатывает рефлекс подсознательно убирать из головы ненужное.

Но в этом воспоминании важность все же есть.

А именно то, что боли от него не было. И дело не в медимплантах. Они глушат ощущения, а не убирают их совсем, иначе бы кто-то и не заметил бы, что держит руку в огне или страдает от болезни.

Конечно, переполненный информацией разум мог её затереть как ненужные данные, но боль от такого удара должна была ощущаться и сейчас.

Сопоставляю это с тем, что в моей базе данных не нашелся ключ, и понимаю, что я и есть тот самый нужный код.

Рядом слышатся голоса, потому бегу в противоположную от них сторону. Одновременно думая, что я и не человек вовсе. Автономная информационная единица, созданная мертвым оригиналом. Это объясняет и мою смерть.

Я — тульпа.

Наверняка стабилизирующий меня имплант в теле носителя продолжил работать и после смерти, потому я до сих пор хожу по Земле.

Только это не отменяет мою миссию. Понимание, что это необходимо, наверняка запрограммировано в меня. Найти открытие и использовать его. Не отменяет это и то, что за мной могут следить. В мире есть миллион устройств, с помощью которых можно ощутить или увидеть тульпу.

Быстро сориентировавшись в поле, понимаю, куда нужно идти, и направляюсь к хранилищу. Оно уже виднеется над головой — огромная полностью автоматизированная конструкция, похожая на десяток переплетенных между собой спиралей. Прямо над ней в небе висит солнце, которое в этот миг для меня является настоящей путеводной звездой.

Выбираюсь с поля, иду через небольшой парк, расположенный под хранилищем. Вспоминаю, что не впервые иду по этим аллейкам, не впервые вижу вокруг деревья с синеватым оттенком листьев — признаком модификации на увеличение вырабатываемого объема кислорода. Не впервые вижу танцующих среди деревьев людей, у которых явно закольцевался скрипт памяти и раз за разом они повторяют одни и те же действия, не понимая, что они делали это миллиард раз.

Нужно с этим кончать. Иначе информационная сингулярность уничтожит нас как вид. И если с самим инфопотоком сделать что-то трудно, а может, и невозможно, то нужно изменить человека.

Подхожу к конструкции хранилища, стены которой вблизи выглядят так, будто сделаны из чего-то жидкого. В глубине полупрозрачной стены виднеется надпись «Корпорация «Вавилон».

Почему корпорация, построившая это хранилище еще до «Альфы», так называлась, не представляю. Знаю только, что название что-то для меня значило. Оглядываюсь еще раз. Вижу все ту же закольцованную компанию, трех человек в словно сшитых из листвы нарядах. Вижу девушку в подчеркивающем достоинства фигуры платье, которая расходует свою память и ресурсы мозга под такие несущественные вещи, как эстетика и осознание собственного пола, позволяя тому в свою очередь навязывать определенное поведение. Вижу чудака, непонятно почему залезшего на дерево и, возможно, считающего себя какой-нибудь белкой.

На примере их всех лишний раз понимаю, что такая информационная анархия безжизненна. Она будет делить человечество до бесконечности, а когда закончит — начнет

делить каждого человека по отдельности, вызывать внутренние конфликты мировоззрений, создавать новые личности, которые могут даже враждовать друг с другом.

Информация льется рекой, и нет возможности контролировать, кто какой кусок ухватит себе.

Моя вера в правильный выбор крепнет, и я прохожу сквозь стену хранилища.

Внутри меня ждет длинный круглый коридор, стены которого, как и все здание, сделаны из чего-то жидкого. Эта твердая жидкость имеет какое-то отношение к способам хранения информации, но какое именно — не помню.

Мягкие волны вокруг успокаивают. Почему-то знаю, что здесь меня не настигнут. Иду вперед, чувствуя, что поднимаюсь вверх, хоть глаза видят идеально ровную трубу.

Как я это понимаю? Если я тульпа, у меня не должно быть вестибулярного аппарата? Наверное, ощущения из-за постоянного контакта с создателем.

Обычно тульпа чувствует то же, что и её хозяин.

Понятен и бардак в моей голове. Обычно стабилизирующие импланты захламлены вконец. Туда складывается то, что вроде бы и ненужно, а выбросить жалко, так как может понадобиться в любой момент. В итоге того, что может понадобиться, накапливается столько, что черт ногу сломит.

Я прохожу по прямому, но в то же время ведущему вверх коридору, в итоге натыкаюсь на интерфейс взаимодействия — единственное, что здесь не состоит из жидкости.

Он напоминает осьминога. Впрочем, он и есть осьминог. Кто-то когда-то додумался, как модифицировать этих моллюсков для взаимодействия с человеком. Могу ли я с ним взаимодействовать? Сейчас узнаем.

Слышу чьи-то шаги. Три или четыре человека направляются ко мне. Звук здесь распространяется хорошо, потому понимаю, что они далеко, а автоматическая система здания направит их к другим, свободным интерфейсам.

Становлюсь под «осьминогом», и тот обхватывает меня щупальцами. Чувствую, как они касаются моих рук и ног, головы. Только как? Откуда эти ощущения?

— Здравствуйте, доктор Костелло, — звучит голос в голове. — Ваш код доступа принят. Желаете просмотреть информацию перед отправкой или осуществить загрузку конечного файла?

— Можно то и другое одновременно? — спрашиваю я, понимая, что сюда в любой момент может кто-то ворваться.

— Создаю резервную копию Эбботт, — отвечает голос.

— Что значит Эббот?

— Эббот и Костелло — комедийный дуэт, существовавший в двадцатом веке. Но в данном случае ваши кодовые имена.

— Чьи имена?

— Ваше и вашей тульпы.

— То есть как? Я — тульпа. А того, кого…

— Вы — оригинал, доктор Костелло, — монотонно сообщает мне машина. — Вы — человек.

— Тогда кто…

Пытаюсь спросить, но машина меня опережает.

— Тульпа Эббот подверглась выключению. Это напоминало смерть, но это лишь видимость, основанная на человеческих знаниях о смерти. Вы сами отключили свою тульпу.

— Зачем?

— Пытаясь не допустить, чтобы вашу модифицированную Эбботом разработку никогда не запустили. Я храню лог вашей мыследеятельности. Вы установили соответствующий имплант три года назад.

Не спрашиваю, как это возможно при дефиците хранения информации. Вместо этого чувствую дрожь по всему телу. Неужели моя тульпа пошла против меня? Неужели то, что раньше было лишь секретарем, основанным на ресурсах мозга носителя, обрело разум?

— В чем суть моей разработки? — спрашиваю у машины, слыша шаги уже совсем близко. Кажется, что волны на стенах здания усиливаются, наступает настоящий шторм.

— Квантовый язык мышления человека, — ответил интерфейс.

— То есть?

— Взаимоисключающие знания могут сосуществовать в разуме человека в суперпозиции. Роль наблюдателя же отведена внешнему миру, то есть «Альфе». Так как «Альфа» — искусственный интеллект, он всегда будет выбирать более логичную последовательность. По сути, это внутренняя борьба человека с самим собой, только переведенная на язык формул и работающая по законам квантовой механики. Тульпы же должны были стать поисковыми системами, а не секретарями.

Для мышления речевой язык не подходит — это мне всегда было понятно. Нужно было что-то иное, оптимизированное под мозг, а не под язык. Вот оно, мое открытие. Открытие, которым можно было спасти человечество.

В памяти внезапно всплывает речь из какого-то доклада об информационных технологиях далекого прошлого.

«Поисковая система не должна искать по каким-либо

параметрам, ключевым словам, тэгам и прочему подобному. Этот метод устарел. Поисковая система будущего обязана различать информацию как человек. То есть быть осознанной».

«Они не люди», — вспоминаю собственные слова и понимаю, что речь как раз о тульпах. Информационной форме жизни, которую мы сами же и породили. Вспоминаю и кто такой Н. Один из так называемых борцов за когнитивную свободу. В том числе и за права тульп. Зараза!

— Моя тульпа что-то изменила? — спрашиваю я, чувствуя, как мое лицо покрывается потом.

— Совсем немного. Поменяла вас местами. Человек в роли поисковой системы, информационная форма жизни в роли конечного пользователя, обладающего квантовым языком мышления.

Немного психических практик, парочка имплантов — и у нас есть помощник, который помогает найти хоть какой-то путь в перенасыщенном информацией мире. А сейчас, когда они не просто копируют человека, а больше адаптированы к среде — мы обречены на судьбу питекантропов.

Чтоб тебя!

— Прекратить передачу!

— Поздно.

Я это понимаю. Теперь я даже не форма жизни, а лишь орудие. Поисковая система, обладающая сознанием. У меня ведь получилось найти это место и выполнить функцию. Без каких-либо ориентиров. Кто-то просто дал мне запрос и процесс запустился. Гугл современности, мать его! Обладающий сознанием и интуицией Гугл! Набор маркеров — таких, как моя смерть, храм истины, статуя — и поисковик находит путь к цели.

Вижу, как ко мне бегут двое людей, которые знали, на что я обрекаю человечество, и попытались помешать. Вижу Эббот. Свою тульпу. Знаю, что внешне она копирует меня, но не состоит из плоти и крови. Всего лишь информация, которая теперь существо номер один на Земле, а я — его интерфейс взаимодействия с миром.

Не просто полуразумный склад информации, а мыслящее и свободное существо.

Перед глазами что-то вспыхивает. Понимаю, что кто-то выстрелил. Падаю на пол, не чувствуя боли. Почему? Может, потому, что уже не являюсь человеком? Слышу странный шум. Впрочем, я и не против смерти. Жить с подобным будет неимоверно трудно. Может, вместе со мной умрет и Эббот. Тульпа все-таки пока что завязана на мою мозговую деятельность. А может, уже нашла способ это обойти.

Вижу над собой чьи-то лица, слышу чьи-то голоса. Замечаю свою тульпу, заодно понимая, как выгляжу я. Эббот о чем-то с ними говорит. Вопрос лишь как?

Не знаю. Ведь раньше тульпу ощущал только сам хозяин. Но благодаря квантовому языку эта особь, похоже, нашла способ явить себя миру.

Чувствую, что проваливаюсь во мрак. Не представляю, кем проснусь, где проснусь, проснусь ли вообще.

Последнее, о чем думаю, прежде чем сознание меня покидает: «Может, они будут лучше нас?»